

Глава 1

Лондон, 1848 год

Зима

Уин всегда считала Кева Меррипена красивым. Его красота была сродни красоте сурового ландшафта или красоте зимнего дня. Он был крупным, обращающим на себя внимание мужчиной, непреклонным и бескомпромиссным во всем. Мягкость отсутствовала как в его характере, так и в лице, и эти суровые, словно высеченные дерзкой и твердой рукой скульптора черты создавали впечатляющий фон для его глаз, настолько темных, что зрачки были почти неотличимы от радужки. Волосы его были густыми и черными как вороново крыло, и такими же черными были прямые брови. На первый взгляд и не скажешь, что он умел улыбаться, но, когда он улыбался, а это бывало редко, Уин не могла отвести от него глаз.

Меррипен — ее любовь, но не ее любовник. Он никогда не был ее любовником. Они знали друг друга с детства, с тех пор как его приняли в ее семью. Хотя Хатауэи всегда относились к нему как к равноправному члену семьи, Меррипен свое место определил иначе: он считал своим долгом заботиться о них, защищать, но при этом жил сам по себе. Хотя и под одной с ними крышей.

Кев вошел в спальню Уин и, остановившись на пороге, стал смотреть, как она упаковывает саквояж, укладывая в него кое-что из личных вещей, стоявших на туалетном столике. Щетка для волос, шпиль-

ки, несколько носовых платков, что вышила для нее ее сестра Поппи. Складывая вещи в кожаный саквояж, Уин остро ощущала присутствие Кева, неподвижно стоявшего на пороге ее комнаты. Она знала, что таится за его неподвижностью, потому что сама ощущала тот же скрытый в глубине ток желания.

Мысль о том, что она покидает его, надрывала ей сердце, но выбора не было. С тех пор как переболела scarлатиной два года назад, она так до конца и не поправилась. Она была худой и слабой и то и дело падала в обморок. Врачи говорили, что у нее слабые легкие. С этим ничего поделать нельзя, можно лишь смириться. Впереди ее ждали лишь болезни и ранняя смерть.

Уин не желала принимать такую судьбу.

Ей очень хотелось поправиться, чтобы наслаждаться тем, что другие люди воспринимают как должное. Ей хотелось танцевать, смеяться, гулять на свежем воздухе, ездить верхом. Она хотела любить, выйти замуж, родить детей, когда придет тому время. Но по состоянию здоровья все эти простые радости были ей заказаны. Впрочем, надежда на выздоровление все же оставалась. Сегодня она отправлялась во Францию, в клинику, в которой работал молодой энергичный врач по имени Джулиан Харроу, достигший впечатляющих успехов в излечении больных с таким же диагнозом, как у нее. Применяемые им методы лечения нельзя назвать ортодоксальными. О нем говорили разное, но, несмотря на противоречивость слухов, Уин приняла решение вручить свою судьбу в его руки. Она готова была пойти на все, лишь бы исцелиться. Потому что, пока она не выздоровеет, ей не видать Меррипена.

— Не уезжай, — сказал он так тихо, что она едва услышала его.

Уин старалась держаться со спокойной уверенностью, несмотря на то что по спине ползли холодные мурашки страха.

— Пожалуйста, закрой дверь, — с трудом проговорила она. Разговор, что им предстоял, должен проходить за закрытыми дверьми.

Меррипен не шевельнулся. Смуглое лицо его потемнело, а в черных глазах горела ярость, что совсем не было для него характерно. Сейчас он, как никогда, был похож на цыгана. Эмоции, которые он обычно умело сдерживал, грозили выплеснуться в любой момент.

Уин сама подошла к двери, чтобы закрыть ее, и он поспешно отступил, избегая физического контакта, который не принес бы им обоим ничего, кроме беды.

— Почему ты не хочешь, чтобы я ехала, Кев? — тихо спросила Уин.

— Там некому будет тебя защищать.

— Со мной все будет в полном порядке, — сказала она. — Я верю доктору Харроу. Его методы лечения кажутся мне вполне разумными, и многие его пациенты полностью излечились...

— И столько же не излечилось. Здесь, в Лондоне, есть врачи лучше этого доктора. Сначала надо попробовать обратиться к ним.

— Я думаю, что лечение доктора Харроу даст мне больше шансов на то, чтобы выздороветь. — Уин смотрела в черные глаза Меррипена с улыбкой. Она понимала, что он хотел ей сказать, но не мог. — Я вернусь к тебе, обещаю.

Меррипен сделал вид, что не слышал ее. Любые ее попытки облечь их чувство словами встречали его упорное сопротивление. Он ни за что не признается в том, что она ему дорога, и всегда будет относиться к ней как к хрупкой, безнадежно больной барышне, нуждающейся в его защите. Как к бабочке под стеклом.

В то время как его личная жизнь будет идти своим чередом.

Несмотря на то что Меррипен никогда не откровенничал с ней, Уин была уверена, что

немало женщин отдавали ему свое тело и использовали его для своих плотских надобностей. Мутная злоба поднималась из глубин ее души при мысли о том, что Меррипен может быть с кем-то, кроме нее. Любой, кто знал Уин, был бы потрясен, узнав о том, как сильно она желала его. И пожалуй, Меррипен был бы потрясен больше всех.

Посмотрев в его непроницаемое лицо, Уин подумала: «Прекрасно, Кев. Если ты этого хочешь, я буду стойкой. Мы простимся как хорошие друзья, и только».

Потом, наедине с собой, она даст волю слезам. Она знала, что пройдет целая вечность, прежде чем она увидится с ним вновь. Но что бы ни ждало ее там, в другой стране, продолжать жить так, как жила она последние два с лишним года, она не могла. Лучше смерть, чем такое будущее: вместе навек, и все же по разные стороны от пропасти, что звалась ее болезнью.

— Ну что же, — с нарочитой живостью сказала она, — скоро в путь. Причин для переживаний нет, Кев. Лео позаботится обо мне во время переезда во Францию, а...

— Твой брат даже о себе позаботиться не в состоянии, — грубо перебил ее Меррипен. — Ты никуда не поедешь. Ты останешься здесь, где я могу... — Он замолчал.

Но Уин услышала в его голосе нечто, подозрительно напоминавшее гнев или муку. Нечто, что он пытался скрыть.

Дело принимало интересный оборот. Сердце Уин взволнованно забилося.

— Есть... — Ей пришлось сделать паузу для того, чтобы набрать воздуха в легкие. — Есть лишь одна причина, которая может меня остановить.

Он бросил на нее настороженный взгляд.

— И что это?

Она ответила не сразу. Ей потребовалось время, чтобы набраться храбрости.

— Скажи, что любишь меня. Скажи, и я останусь.

Его черные глаза расширились. Он молчал.

Уин ждала ответа, буруеваемая чувствами, которые вообще-то не сочетались между собой: изумлением и отчаянием.

— Я... люблю всех членов вашей семьи.

— Нет. Ты знаешь, что не этого я прошу от тебя. — Уин подошла к нему и положила бледные ладони на грудь. Он был предельно напряжен. Она чувствовала, как откликнулось на ее прикосновение его тело. — Прощу тебя, — сказала она, возненавидев себя за то, что позволила себе озвучить свое отчаяние. — Пусть я завтра умру, мне все равно, если только я услышу от тебя хотя бы однажды...

— Не надо! — воскликнул он, отшатнувшись.

Забыв об осторожности, Уин шагнула к нему и схватила за ворот рубашки.

— Скажи мне. Пусть наконец правда откроется...

— Тише, тебе вредно волноваться.

Больше всего Уин злило то, что он прав. Она уже чувствовала знакомую слабость, головокружение, что всегда сопровождалось учащением пульса и ощущением сдавленности в легких. Будь неладно ее слабое тело, что подводило ее в самый ответственный момент.

— Я люблю тебя! — в отчаянии воскликнула она. — И если бы я была здорова, никакая сила не могла бы меня с тобой разлучить. Если бы я была здорова, я бы позвала тебя в свою постель, я бы одарила тебя страстью, какой только может женщина одарить мужчину...

— Нет. — Он поднес руку к ее губам, чтобы заставить ее замолчать, но отдернул, едва прикоснувшись к ним, словно они обожгли его.

— Если я не боюсь в этом признаться, что останавливает тебя? — Наслаждение, которое испытывала Уин, находясь рядом с Кевом, было подобно наваждению, безумию. С безрассудством страсти

она прижималась к нему. Он пытался ее оттолкнуть, не причинив боли, но она вцепилась в него изо всех сил, что еще у нее оставались. — Что, если эти мгновения — последние из тех, что ты проведешь со мной? Разве ты не пожалел бы о том, что не сказал, что ко мне чувствуешь? Разве ты бы не...

Меррипен прижался губами к ее губам — все, что угодно, лишь бы заставить ее замолчать. Они оба судорожно втянули воздух и замерли, впитывая в себя ощущения. Каждый выдох его обдавал жаром ее щеку. Сильные руки обнимали Уин, руки, способные защитить ее от любых напастей, от любого зла. С ним она была как за каменной стеной. А потом словно вспыхнула искра, и их обоих закрутило в вихре желаний.

От него пахло яблоками, в его дыхании ощущался горьковатый привкус кофе, но самым сильным был его собственный особый запах. Желая его, тоскуя по его ласке, Уин крепко прижалась к нему, и Кев принял ее невинный дар с хриплым варварским стоном.

Она почувствовала прикосновение его языка. Открываясь ему навстречу, она глубже вбирала его в себя, робко пробуя прикоснуться языком к его языку. Словно шелк скользнул по шелку, и Кев вздрогнул, и судорожно вдохнул, и крепче прижал ее к себе. И тогда ее вновь охватила слабость. Она так истомилась по его рукам, по его сильному телу. Она так хотела почувствовать его тяжесть на себе, в себе... О, она хотела его, хотела...

Меррипен целовал ее с варварской жадностью, и губы его, прижимаясь к ее губам, скользили по ним с нажимом, широкими мощными мазками. Она вся горела, она хотела стать еще ближе к нему, еще ближе.

Даже сквозь несколько слоев юбок она чувствовала, как он прижимается к ней бедрами, чувствовала его ритм. Инстинктивно она опустила руку вниз,

8 чтобы прикоснуться к нему там, и дрожащие

пальцы ее нащупали твердый бугорок, свидетельство его возбуждения.

Кев застонал, словно от муки, у самых ее губ. Внезапно он тоже опустил руку и сжал ее ладонь, заставляя крепче взять его там. Глаза ее распахнулись, когда она почувствовала пульсацию, жар и напряжение. Казалось, он вот-вот взорвется.

— Кев... кровать... — прошептала она, покраснев от макушки до пят. Она так давно и безнадежно хотела его, и вот наконец этому дано случиться. — Возьми меня...

Меррипен выругался и оттолкнул ее.

Уин качнулась ему навстречу.

— Кев...

— Не подходи, — сказал он так, что она в испуге отпрянула.

Они оба замерли и стояли так, боясь пошевелинуться, по меньшей мере минуту. Слышался только гневный шелест их дыхания.

Меррипен заговорил первым. Голос его был хриплым от гнева и отвращения, хотя невозможно было понять, кому он адресовал свое отвращение: ей или самому себе.

— Этого больше не повторится. Никогда.

— Потому что ты боишься, что можешь сделать мне больно?

— Потому что я не хочу тебя вот так.

Она застыла от негодования и изумленно рассмеялась.

— Я не верю тебе. Я почувствовала твою реакцию.

Он густо покраснел.

— Так было бы с любой женщиной.

— Ты... пытаешься заставить меня поверить в то, что не испытываешь ко мне ничего особенного?

— Ничего, кроме желания защитить тебя. Как защищал бы любого из членов твоей семьи.

Она знала, что он лжет. Она знала это. Но его бессердечный отказ облегчал ей казавшуюся невыполнимой задачу. Теперь покинуть его будет проще.

— Я... — Говорить было трудно. — Как это благородно с твоей стороны. — Ее попытка иронии провалилась из-за того, что ей не хватало дыхания. Будь неладны ее слабые легкие.

— Ты переволновалась, — сказал Меррипен, шагнув к ней. — Тебе надо отдохнуть...

— Я прекрасно себя чувствую, — бросила она раздраженно и, шагнув к умывальнику, схватилась за него, чтобы устоять на ногах.

Теперь, когда она больше не боялась упасть, она смогла плеснуть на льняное полотенце воды, чтобы протереть пылающие щеки. Посмотрев в зеркало, она постаралась придать своему лицу выражение безмятежности. Ей это удалось. Каким-то чудом ей удалось справиться и с голосом.

— Я приму от тебя либо все, либо ничего, — спокойно сказала она. — Ты знаешь, какие слова могут заставить меня остаться. Если ты не намерен их произносить, уходи.

Атмосфера в комнате была насыщена эмоциями. Молчание тяготило. Нервы Уин натянулись до предела. Она уставилась в зеркало, видя в нем лишь отражение его широкого плеча и предплечья. Затем рука Кева шевельнулась, и дверь открылась и закрылась.

Уин продолжала протирать лицо влажным полотенцем. Этим же полотенцем она смахнула несколько слезинок. Положив полотенце на край умывальника, она заметила, что ее ладонь, та самая, которой она держалась за него там, сохранила память о его плоти. И губы ее чуть пощипывало от его поцелуев, и грудь ее переполняло отчаяние и любовь к нему.

— Ну что же, — сказала она своему отражению в зеркале, — теперь у тебя есть мотив. — С губ ее сорвался нервный дрожащий смешок. Она смеялась до тех пор, пока ей не пришлось стереть с лица новые

10 слезы.

Наблюдая, как грузят вещи в карету, которой вскоре надлежало отправиться к лондонским докам, Кэм Рохан не мог удержаться от тревожных раздумий о том, не совершает ли он роковую ошибку. Он обещал своей новоиспеченной жене, что позаботится о ее семье. Но не прошло еще и двух месяцев с тех пор, как Кэм женился на Амелии, а он уже отправлял одну из ее сестер за тридевять земель, в другую страну, во Францию.

— Мы можем подождать, — сказал он еще вчера вечером, лежа с женой в постели. Он обнимал Амелию, поглаживая ее по густым темно-русые волосам, что шелковистой рекой лежали у него на груди. — Если ты хочешь, чтобы Уин оставалась с тобой подольше, мы могли бы отправить ее в клинику весной.

— Нет, она должна ехать как можно скорее. Доктор Харроу ясно дал понять, что слишком много времени уже и так потрачено зря. Чем раньше она начнет курс лечения, тем выше ее шансы на выздоровление.

Кэм тогда улыбнулся. Тон Амелии был таким прагматичным. Жена его преуспела в умении скрывать свои эмоции, и мало кто догадывался, что за на первый взгляд непробиваемым фасадом скрывалась ранимая и чуткая душа. Кэм был единственным, перед кем она могла позволить себе не притворяться сильной.

— Мы должны вести себя разумно, — добавила тогда Амелия.

Кэм перевернул ее на спину. Он смотрел сверху вниз в ее милое, с мелкими чертами лицо, освещенное ночником. Такие круглые синие глаза, темные, как сердце полуночи.

— Да, — согласился он с ней. — Но быть разумными не всегда просто, верно?

Она покачала головой, и глаза ее сделались влажными. Он погладил ее по щеке.

— Бедная моя птичка колибри, — прошептал он. — Тебе столько пришлось пережить за по-

следние месяцы, в том числе и брак со мной. А сейчас я отсылаю прочь твою сестру.

— Ты отправляешь ее в клинику, где ее вылечат, — сказала тогда Амелия. — Я знаю, что так будет лучше для нее. Просто... я буду скучать. Уин самая хрупкая, самая нежная в нашей семье, и она мне дороже всех. Без нее мы поубиваем друг друга. — Она нахмурилась. — Не говори никому, что я плакала, а не то я очень на тебя рассержусь. — Амелия всхлипнула.

— Нет, мониша, не скажу, — ласково успокоил ее Кэм, привлекая к себе. — Я никому не выдам твоих секретов. Ты об этом знаешь. — И он стал покрывать поцелуями ее лицо, осушая губами слезы. Он медленно снял с нее рубашку. И ласки его были такими же неторопливыми. — Малышка моя, — шептал он, когда она дрожала под ним. — Позволь мне сделать так, чтобы ты почувствовала себя лучше. — И, бережно овладевая ее телом, он на одном из самых древних языков мира говорил ей, что она приятна ему во всех смыслах, что ему нравится быть внутри ее, что он никогда ее не оставит. Хотя Амелия не понимала слов чужого языка, звуки этого языка возбуждали ее, и руки ее блуждали по его спине, лаская и царапая, и бедра ее прижимались к его бедрам. Он дарил ей наслаждение и получал сполна, и так продолжалось до тех пор, пока жена его, удовлетворенная и уставшая, не погрузилась в сон.

Еще долго после того, как она уснула, Кэм прижимал ее к себе, и голова ее приятной тяжестью лежала у него на плече. Теперь он отвечал за Амелию, отвечал за всю ее семью.

Хатауэи представляли собой странную группу, включающую четырех сестер, брата и Меррипена, который, как и Кэм, был цыганом. О Меррипене было известно лишь то, что он попал в семью Хатауэй еще ребенком.

Хатауэи приютили его, когда во время погрома он был ранен и оставлен умирать. Статус его

был неопределенным: выше, чем у слуги, но ниже, чем у урожденных Хатауэв.

Невозможно было предсказать, как поведет себя Меррипен в отсутствии Уин, но Кэм подозревал, что ничего хорошего от него ждать не приходится. Они были совсем разными: светловолосая болезненная Уин и черноволосый и смуглый могучий цыган Меррипен. Уин была изящной и хрупкой, утонченно красивой, воздушной, словно фарфоровая статуэтка, тогда как Меррипен прочно стоял на земле и книгам предпочитал практический опыт. Но влечение между ними было очевидным. Так сокол всегда возвращается в один и тот же лес, следуя невидимому маршруту, который навек отпечатан у него в сердце.

Когда весь багаж был должным образом погружен и надежно закреплен кожаными ремнями, Кэм направился в апартаменты отеля, где остановилось семейство. Хатауэи собрались в гостиной, чтобы попрощаться с сестрой.

Меррипен отсутствовал, что было странно и наводило на неприятные подозрения.

Хатауэи столпились в небольшой комнате: все четыре сестры и их брат Лео, который отправлялся во Францию вместе с Уин в качестве ее компаньона и сопровождающего.

— Ну все, пора, — ворчливо сказал Лео, похлопав по спине младшую сестру Беатрикс, которой только что исполнилось шестнадцать. — Нет нужды закатывать сцену.

Она крепко его обняла.

— Тебе будет так одиноко вдали от нас, от дома. Ты не хочешь взять одного из моих любимцев, чтобы он составил тебе компанию?

— Нет, дорогая, придется мне довольствоваться компанией людей. — Он повернулся к Поппи, рыжеволосой восемнадцатилетней красави-

це: — До свидания, сестричка. Желаю тебе получить все возможное удовольствие от твоего первого лондонского сезона. И постарайся не принимать предложение от первого встречного юнца.

Поппи подошла к брату и обняла.

— Дорогой Лео, — сказала она, уткнувшись лицом ему в плечо, — постарайся вести себя прилично, когда будешь во Франции.

— Во Франции никто себя прилично не ведет, — сказал ей Лео. — Именно поэтому всем так нравится Франция. — И только тогда маска прожженного циника, которую так редко снимал Лео, дала трещину. Он судорожно вздохнул. Из всех отпрысков Хатауэв Лео и Амелия ссорились больше всего и наиболее ожесточенно. И тем не менее Амелия была, вне сомнений, его самой любимой сестричкой. Они через многое прошли вместе, взяв на себя заботу о младших, когда умерли родители. Амелия вот уже не один год с болью в сердце наблюдала, как Лео из перспективного молодого архитектора превращается в надломленного неудачника. Наследование титула виконта нисколько не помогло ему остановиться в своем падении. Напротив, титул и новый, более высокий общественный статус лишь ускорили скатывание Лео вниз, по наклонной. Но Амелия продолжала бороться за него, старалась спасти, пыталась удержать от падения. Что сильно его раздражало.

Амелия подошла к брату и положила голову ему на грудь.

— Лео, — всхлипнув, сказала она, — если ты допустишь, чтобы что-нибудь случилось с Уин, я тебя убью.

Он нежно погладил ее по голове.

— Ты столько лет обещаешь меня убить, а я все еще жив.

— Я жду по-настоящему серьезного повода.

С улыбкой Лео приподнял ее голову и поцеловал в лоб.

— Я привезу ее назад целой и невредимой. И здоровой.

— А себя?

— И себя.

Амелия расправила складки на своем салопе. Нижняя губа ее дрожала.

— Тогда ты должен измениться, Лео. Довольно прожигать жизнь, — сказала она.

Лео усмехнулся.

— Но я всегда верил в то, что человек должен как можно полнее раскрывать свои природные склонности. — Он опустил голову, чтобы сестра могла поцеловать его в щеку. — Кому бы меня учить жизни, сестричка, только не тебе. Особенно после того, как ты вышла замуж за человека, которого едва знаешь.

— Этот поступок — лучший, что я совершила в жизни, — сказала Амелия.

— Поскольку он оплачивает мое путешествие во Францию, я не могу с тобой не согласиться. — Лео протянул руку Кэму, и мужчины обменялись крепкими рукопожатиями. Если вначале отношения между Лео и новоиспеченным мужем сестры были несколько натянутыми, то вскоре ониладили и даже привязались друг к другу. — До свидания, фрл, — сказал Лео, используя цыганское слово «брат», которому научил его Кэм. — Я не сомневаюсь, что ты отлично позаботишься о моих сестрах. Ты уже избавился от меня, так что начало — многообещающее.

— Вы вернетесь в перестроенный дом и процветающее поместье, милорд.

Лео тихо рассмеялся.

— Не могу дождаться того дня, когда увижу, чего тебе удалось добиться. Знаешь ли, не всякий пэр королевства доверил бы парочке цыган вести свои дела.

— Абсолютно с вами согласен, — ответил Кэм. — Вы такой один.